

Юньлань-сяньцзы вздохнула:

— Старший брат, когда-то давно в человеческом мире на горе Цичунь я спасла одного смертного. Он жаждал оставить мирскую суету и вступить на путь самосовершенствования. Наслушавшись легенд о том, что за горой Цичунь живут небожители, которые могут взять его в ученики, он, не страшась опасности, решился на этот переход.

Но у него не было ни капли духовного корня. Он сорвался с высокого утеса, и мне пришлось вернуть его в мир смертных, стерев память об этом событии. Кто же знал, что, выжив вопреки всему, он начнет расхваливать свои сны, привлекая на гору Цичунь толпы людей.

Лицо Миндэ-сяньцзуня изменилось:

— Безрассудство! Гора Цичунь — это земли смертных, как ты могла там оказаться?

— Старший брат, лишь одна ее сторона принадлежит миру людей. Когда я его спасала, мы уже находились в пределах мира совершенствующихся. Если бы я прошла мимо, это было бы недостойно того, кто идет по пути бессмертия. — В глазах Юньлань-сяньцзы читалась твердость, но в голосе проскользнула тревога. — Демоны прознали, что на горе собирается множество людей, и расставили ловушки. Несчастных приносили в жертву своим божествам. Мне удалось спасти лишь Ли Були, пока демоническая энергия не успела окончательно его поглотить.

Чу Тяньцо, выслушав ее, заметила:

— Теперь, когда дело дошло до жертвоприношений демонам, вряд ли кто-то еще рискнет взойти на ту гору. В конце концов, смертных, готовых умереть ради бессмертия, не так уж много. Гора Цичунь перестала быть для них обителью богов, превратившись в дорогу в один конец.

Им больше не придется то и дело посылать учеников сторожить гору, чтобы возвращать заблудших смертных обратно в их мир.

Миндэ-сяньцзунь бросил на Чу Тяньцо суровый взгляд:

— По-твоему, выходит, демоны совершили доброе дело!

Чу Тяньцо надула губы:

— Я такого не говорила.

Юньлань-сяньцзы слегка нахмурилась. Совершенствующиеся обычно прямодушны и открыты, но эта ученица старшего брата казалась ей не слишком чистой в помыслах. Му Юньшэн не раз говорила, что Чу Тяньцо с пика Цанцзянь — человек коварный, и если не приставить к ней строгий надзор, она рано или поздно свернет на кривую дорожку.

Она уже хотела было поделиться своими опасениями с братом, но, заметив, как Миндэ-сяньцзунь массирует виски, сменила тон:

— Старший брат, твои старые раны еще не зажили, а тут новые. Тебе нужно больше отдыхать.

— Это дело... — я обсужу с главой ордена.

— Я сам завтра поговорю с главой. Ты стоишь на пороге прорыва, лучше сосредоточься на уединении, — прервал ее Миндэ-сяньцзунь.

— Что ж, пусть будет так. — Уходя, она поймала взгляд Чу Тяньцо — в нем больше не было прежнего спокойствия, и ей показалось, будто за ней следят.

— Через месяц состоятся состязания учеников, не разочаруй своего учителя. — Наставление Юньлань-сяньцзы было продиктовано добрыми побуждениями: в конце концов, если талантливый ученик десять лет топчется на стадии Ци, это можно объяснить лишь ленью.

— Благодарю за совет, старшая наставница Юньлань, — улыбнулась Чу Тяньцо.

Юньлань-сяньцзы ступила на облако и постепенно растворилась в небесах на глазах у Чу Тяньцо и Гу Цинбая.

Вокруг снова воцарилась тишина. Поднялся ветер, его завывания в ветвях деревьев тревожили душу, не давая расслышать биение сердец друг друга и сея семена сомнений.

— Гу Цинбай, этот Ли Були ведь пришел за тобой, верно? — Чу Тяньцо обладала острым умом, ее проницательные лисьи глаза не упустили ни малейшего движения на лице юноши, но тот остался невозмутим.

— Массив очищения не был уничтожен до конца, — продолжала она. — Я поняла, что Миндэ-сяньцзунь не придает значения массиву. Если бы такая важная для ордена вещь была действительно разрушена, учитель не был бы так спокоен. Единственное объяснение — слухи распустили намеренно. Если Ли Були пришел только ради силы лунного света, зачем ему было заискивать перед тобой, а перед уходом пытаться убить меня?

— С одной стороны, потому что я проницательна и сразу раскусила его маскировку, — с гордостью добавила Чу Тяньцо. — А с другой — потому что он меня боится!

Услышав про страх, Гу Цинбай проявил слабое любопытство — ему стало интересно, что еще придумает эта девица.

— Точно так же, как боишься меня ты! — твердо заявила Чу Тяньцо. — Поэтому, чтобы тебе было спокойнее, он решил прикончить меня!

Гу Цинбай рассмеялся, словно услышал самую нелепую шутку в мире.

— Боится тебя? — Он ускорил шаг, не желая продолжать бессмысленный спор. — Он заискивал передо мной, потому что у него есть глаза и ум. А убить тебя, — он бросил через плечо с насмешкой, — это так, попутное дело.

Гу Цинбай не питал симпатии к этой младшей сестре по ордену: глупая, злобная, да еще и самовлюбленная. Впрочем, раз она догадалась о связи Ли Були с ним, значит, не совсем безнадежна.

— Вместо того чтобы строить догадки, лучше сосредоточься на совершенствовании, чтобы достичь уровня, на котором тебя действительно начнут бояться. — Гу Цинбай оставил ее позади, толкнул дверь своей пещеры и, обернувшись, преградил ей путь. — В нашем ордене таких, как ты, на седьмой стадии Ци — тысячи. У меня нет времени бояться каждого из них.

Дверь с грохотом захлопнулась. Чу Тяньцо потерла нос, погрозила кулаком закрытой двери и, ворча, поплелась прочь.

Она села в позу лотоса посреди персиковой рощи. Вокруг лишь шум ветра, качающего листву. Она не видела, как бесчисленные потоки духовной энергии закручиваются в мощный вихрь вокруг нее, вливаясь в макушку, словно капля воды, растворяющаяся в океане.

Когда она открыла глаза, вокруг выросла трава по пояс. Прошло всего полмесяца, но ей казалось, что минули годы. Моря превратились в сушу, все свидетели ее прошлого исчезли. В этом мире не осталось ни тех, кто ее ненавидел, ни тех, кого любила она. Палило солнце, а на душе было пусто и холодно.

Чу Тяньцо испугалась. Обернувшись, она увидела знакомое лицо.

— Гу Цинбай, ты здесь! Как хорошо! — Она впервые была так искренне рада видеть его, словно встретила старого друга на чужбине.

— Повезло же тебе. Сосна учителя обрела сознание и собрала мощный поток энергии, а ты взяла и поглотила его всю до капли.

Только теперь Чу Тяньцо заметила рядом с Гу Цинбаем маленького, тщедушного человечка, похожего на деревце. Его волосы были взлохмачены, как крона дерева, глаза цвета янтаря блестели на солнце, а фигура напоминала худое чучело.

Заметив, что Чу Тяньцо смеется над ним, пугало пришло в ярость. Если бы не она, поглотившая эссенцию солнца и луны, которую он копил веками, он бы сейчас выглядел как настоящий красавец! Но его ноги еще не обрели форму, он не мог оторваться от земли. Превращение завершилось лишь наполовину: человеческий облик был, но движения оставались скованными,

и приходилось постоянно укореняться в почве, чтобы отдохнуть.

И во всем этом виновата эта маленькая ведьма! Пугало скрежетало зубами от злости.

Чу Тяньцо прищурилась, приближаясь:

— Ты та самая сосна с края утеса?

Пугало взмахнуло жесткими, как ветки, руками, пытаясь ударить ее, но она легко увернулась.

— Не горячись, а то я нечаянно сломаю тебе руку. — Она вспомнила, как когда-то взмахнула мечом, и до сих пор дрожала при мысли, что может снова случайно его повредить.

Пугало пришло в еще большую ярость и чуть подросло.

Чу Тяньцо достала из мешочка бессмертную росу, полученную от учителя, и, ничуть не жалея, вылила ее к его ногам.

— Оставлю тебе эту росу в качестве извинения. Моя вина, что ты стал таким, я буду за тебя отвечать! — Она похлопала его по голове. — Как только выменяю на духовные камни еще росы, буду поливать тебя, пока ты не примешь человеческий облик. Спасибо, что помог мне достичь девятой стадии Ци.

Гу Цинбай смотрел на нее, и его взгляд смягчился. Он всегда считал ее бессердечной и своевольной, но, похоже, она не была безнадежна.

Однако, едва он успел изменить свое мнение, как услышал продолжение:

— В следующий раз, когда будешь превращаться, обязательно скажи мне! Мое успешное достижение стадии Основания зависит только от тебя.

<http://bllate.org/book/18925/1851455>